

Леонтьев Валерий
15.4.2000.

Однажды он заявил, что хотел бы родиться лет через двести. Дескать, грядущие времена будут интереснее нынешних и возможности человека станут безграничными. Романтически легкомысленное желание. Какие двести лет? Какая раскрепощенность! Человечество висит на волоске от самоуничтожения. Не через столетия, а уже скоро миром будут править машины и компьютеры, которые полностью заменят человека. Живопись, слово, музыка будут "фанерными", искусственными. Уже сейчас в Штатах "макрософтные" агрегаты пишут романы, изготавливают Мадонн и Чарли Чаплиных. Так намного дешевле, не надо платить оригиналам. Через тридцать лет будут оживляться трупы, а все фантазии искусства, изыски гомосапиенсовых извилин будут производить сверхкомпьютеры. Леонтьев не понадобится. С его

мишуре спокойно. И даже то, что я стал "живой легендой", я расцениваю просто как очередной титул в своей коллекции

...*Не могу оторваться от этого взгляда, облика, анфаса. Прекрасного, нестандартной вырубки. Умного, интеллигентного (фу, какое измордованно-советское словечко!). На меня смотрит культовый символ большой эпохи. Раздвоенный подбородок таит глубокие скрытые страсти. Молва твердит, что Леонтьев не брежет мальчиками. А мне плевать, хоть девочками, - мне очень хочется. Хочется слушать Леонтьева, вливаться в неистовую пляску с какофонией. "Я был женат дважды, ха-ха-ха..." Он сам над собой хихикает. А по мне - хоть двадцать два. Леонтьеву многое позволено. Вот это обывателя и колышет. И летит вослед певцу: "Кривляка, клоун..."*

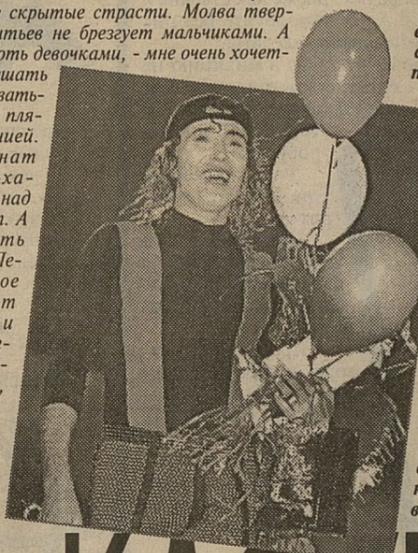
Валерий Леонтьев - великий. Без понта и пыли. Не похожий

на клоуна. И даже то, что я стал "живой легендой", я расцениваю просто как очередной титул в своей коллекции

...*Познакомившись с вашей биографией, понимаешь, что успех вам достался трудом и потом. Что, как ни противоречиво это звучит, труды и дни Валерия Леонтьева далеко не всегда были триумфальными. "Уберегите платного", - обращались массы на ТВ. Но вам, конечно же, и везло. Самое "роковое" везение?*

- Как-то я отдыхал на Вирджинских островах, точнее на острове Сент-Томас. Все было великолепно. Но в каком шоке я пребывал, когда буквально через пару дней после моего отлета узнал, что на остров обрушился страшный тайфун и чуть не стер его с лица Земли. Представляете, как мне повезло?

- *В прессе иногда рядом с вами мелькает фамилия Люси Исакович, первой клавишницы в группе "Эхо". Говорят, что, став директором вашего коллектива, она многое сделала для вас. Но когда в 93-м году она осталась*

И КЛОУН, И ДЬЯВОЛ ВАЛЕРИЙ ЛЕОНТЬЕВ

темпераментом, живым сердцем и капризами. Поэтому надо сейчас спешить слушать его и любить.

У Валерия в зубах блестящий бриллиант. Эпатирует? Да нет, просто так, пусть люди думают, что хотя бы "Выпендрей, деньги некуда девать".

Зато на даче в Валентиновке растет шиповник. Не магнолия, не орхидея, а скромный подмосковный шиповник. Леонтьев и сам такой: скромный, даже застенчивый. Вот уж не звезда. Звезда по нему - это профессия, а не звание.

- *Но почему у вас так все грандиозно, феерически? Вы представляете каким-то космическим шоуменом. Каких же этот шум и блеск стоит денег!*

- Шоу - единственный способ моего существования на сцене. Да, наверное, и вне сцены. Я не вижу себя ни камерным исполнителем, ни эстрадным певцом. Что касается затрат, то "Полнолуние" обошлось в 350 тысяч долларов.

Но не Валерию Яковлевичу и не его директорам, а некой московской фирме, благоволившей таланту и обаянию певца. Вообще Леонтьев считает, что наша публика имеет мало представления о том, что такое шоу. Предел фантазии многих зрителей - два фонарика и три надутых шарика, похожих на презервативы.

"Молитесь на ночь, чтобы вам вдруг не пропущены знаменитым". Он не послушал Анну Ахматову и стал знаменитым. Случилось это давно, в 80-м, когда на международном конкурсе эстрадных песен "Золотой Орфей" в Софии за песню "Танцевальный час на Солнце" (музыка Давида Тухманова) он получил "Гран-при". "Кто знает, что такое слава?" Тогда он только прикоснулся к ее крыльям. И слава опалила его навсегда. Быть кумиром - трагедия. И как же трагически природа уравнивает потери. Мне в голову пришла чудовищная параллель: именно в 80-м году в американском штате Дакота был убит Джон Леннон, легендарнейший музыкант Западного полушария. И сразу же природа заполняет пустоту: в Восточном полушарии начинает восходить звезда Валерия Леонтьева. Неужели и жизнью смерть поправ?

- *Вас обожают тысячи и тысячи людей, любителей музыки. Есть ли пределы идолопоклонства? Вы наверняка сами знаете, как в 60-х годах молодежь бросалась на амбразуры Джона Леннона. Многие падали в обморок на его концертах, доводя себя до экстаза, мальчишки и девочки давили друг друга насмерть. Как вам все это?*

- У меня никогда не было кумиров, чьи образы висели бы на стене. Я отношусь ко всей этой

ни на кого. Яркие экстравагантные одеяния, эпатирующие декорации, импозантный балет. Леонтьев всегда пребывал особняком, не пыжился, не лез, не работал локтями. Он был одиноким волком, не принадлежащим никаким филармониям, никаким "крышам". Волком, поющим тысячу песен. Одиноким волком, прыгающим по сцене безобидным кузнечиком. И хвостатым дьяволенком. Ха, ха, веселитесь... "Вот и двадцатый кончается век, и начинается новый забег". И дальше про мячик, который в реке не утонет, про Чижика-Пыжика. А ведь слушают, и хочется плакать - ребенку, взрослому, глупому и умному. В подступающем к горлу комке и есть тайна Валерия Леонтьева.

"Он не такой, как все, потому что он умен. И еще Валера абсолютно лишен пафоса, апломба, высокомерия", - считает Лариса Долина. "В мужчине не должно быть зависти", - говорит Александр Розенбаум, - вот почему для меня Валера Леонтьев - мужчина, несмотря на "другой" облик. Потому что Валера делает свое дело профессионально, по-мужски. А вот когда один из популярных нынче эстрадных исполнителей, шенок, юнец, публикует в газете список своих женщин - это катастрофа для мужественности". В автобиографии покойного композитора Микаэла Таривердиева я нашел еще одно свидетельство волчьего качества "другого" облика Леонтьева: оказывается, наш тонкий певец - настоящий гонщик: "Он водил машину лучше, чем кто бы то ни было..."

Мы знали - Леонтьев провинциал. Он долго не мог завоевать Москву - ни на эстраде, ни в паспортном столе. Потому что был одиноким, ни на кого не похожим волком. Вроде бы не огрызался, но и гордостью зверину показывал, не унижался, не стонал. Будучи всенародно признанным, жил без прописки, без жилья. И только на грани энциклопедического бессмертия советская власть снизошла: певец стал полноценным гражданином и москвичом. Столично-провинциальная спесь и фанаберия убивают. Но Леонтьева не убили. Наоборот, вознесли. Волк завыл на всю Вселенную, на оба полушария. Не дают москвичество, стану майамцем. И певец покупает Америку. Ему по пути с Голливудом.

Ему по пути с Майклом Джексонем и Мадонной. Впрочем, наверное, и им по пути с Валерием. Экстравагантнейшее шоу Леонтьева "Полнолуние" ничуть не жиже представленный корифей американской публики: сцена, закрывающаяся двумя полусферами в виде земного шара; за двад-

в США, вы страшно переживали. И все-таки это, наверное, тоже удача - иметь рядом верного друга.

- Я уже говорил, что Люся не просто моя жена, она мой ангел-хранитель. Однажды мы ехали с ней ночью в машине. Я очень устал и начал засыпать. Вдруг Люся, точно что-то почуввав, сказала: "Пересядь назад". Как только мы поменялись местами, из темноты возник грузовик и наша легковушка в него врезалась. Несколько часов - уже в больнице - я не знал, выживет ли Люся.

Имя народного артиста России в справочнике "Кто есть кто" значится между митрополитом Херсонским и Таврическим Леонтием и Егором Лигачевым. Зажатость некоторым образом символическая: певец Леонтьев не значился в "прихожане" религии как таковой (хотя его рассуждения о бессмертии человека любопытны) и политики, общественной суеты тем более. Сказано, как отрезано: "живет один", "работал почталомом, чертежником, разнорабочим, тесемщиком, модельером, портным, электриком".

В другой анкете я обнаружил довольно остроумные (кстати, в отличие от ответов на иные глупые и наивные вопросы лениво-образованных интервьюистов) ответы на близ-анкетные вопросы. "Любимый певец?" - "Соседский кот". "Любимый напиток?" - "С большим уважением отно-

шусь ко всему, что валит с ног". "Самая красивая женщина мира?" - "Мать Тереза". "Самый интересный мужчина?" - "Калигула". "Наибольший успех в жизни?" - "Факт рождения". "Наибольшее разочарование?" - "Живу".

Последнее заявление - на уровне индийско-буддистского представления о жизни и смерти. Мне кажется, что певец не эпатирует, он искрен. Тем более что над анкетой явно думал. Дело в том, что в биографии Валерия Яковлевича есть и впрямь интригующие журналистов белые пятна: кто его родная мама (по слухам, цыганка, бросившая сына); правда ли, что будущий маэстро 13 лет провел на Севере с отцом-зоотехником; почему так долго талантливейший певец не выбивался "в люди", словно изгой, не принимаемый обществом; женат ли певец и на ком; почему он нередко уходит из мира, предаваясь одиночеству и ностальгии; почему у него нет детей... Некой экзальтацией, подтверждающей иные загадки, выглядело и место интервью в недавно показанном телефильме: певец рассуждает о жизни, о вечности, об искусстве, о своих песнях у яркого костра на фоне гор и облаков, облаченный в странное одеяние. Что это? И впрямь - грустное признание перед собой и людьми: жизнь не сахар. И звездой быть нелегко. Недаром последнее громкое юбилейное шоу певца называлось довольно "потусторонне": "Фотограф сновидений". Что это за фотограф? Человек, существующий в своих фантазиях, в ирреальности? А и впрямь многие картинки жизни, оживающие на сцене благодаря таланту Валерия Леонтьева, кажутся фрагментами

красивых мечтаний. Хотя для публики все выглядит незабываемым зрелищем. Потрясают новейшие достижения в сценографии, голливудские технологии и материалы при изготовлении декораций и костюмов, последние изыски в области звука, света и пиротехники. Каждая песня - потрясающее воображение мини-спектакль. Журнал "Times" отметил, что Леонтьев - это вокал Мика Джаггера и хореография Барышникова. А то, что в последних своих вещах использовал ставшие давно каноническими тексты Ахматовой, Цветаевой, Бунина, Блока, Бернеса, лишней раз заставляет задуматься о неостановимой творческой перспективе любимого певца. Он не умеет топтаться на месте, закликиваться. В Леонтьеве потрясающее чувство новизны. Поэтому он и никак нам не наскутит. В отличие, если честно, от некоторых его коллег женского и мужского рода, которые в своих амбициозных потугах уже закрыли дверь во вчерашнюю эстраду. Недаром одна из газет после триумфального выступления Земфиры в "Олимпийском" отрезала: "Эпоха Аллы Пугачевой закончилась". Так вот, эпоха Леонтьева не закончилась, она продолжается. И певец пробивает окна в новую эстраду.

- *В недавнем телевизионном фильме Кэри о вас, вы, сидя у костра, философствовали о жизненном предназначении, о судьбе. В своих размышлениях на эту вечную тему вы бываете мудры и естественны.*

- Судьба? Но до сих пор я так и не разобрался с этой дамой. Как все-таки с ней обращаться, у меня рецептов нет.

И все же Леонтьев мне кажется несовершенно. Почти неудачником, невезуном. Чего-то где-то недотягивающим. До полного признания, триумфа, до уписывания публики от восторга. До растаптываемого юнцами и юнчихами лимузина с телом идола. Уж кажется, каким ярким событием вспоминается последний его концерт в зале "Россия" - победой, фейерверком, праздником души и сердца. На подмостках бешеный темп, азарт, публика хлопает, благодарит. А я бы хотел, чтобы она встала. В полный рост. Чтобы между певцом и залом было слияние в экстазе. И, не поверите, зал встал, слился. Только Леонтьев не видел триумфа. Как всегда, чуть приподжал. Он просто улетел. Прямо со сцены. В небо. К ангелам. Улетел марсианином-пророком-клоуном. И без него стало скучно и пусто. (Даже с зайчиково-ярмарочным Филиппом.) На эстраде удушье. (Надежда на Алсу и Земфиру.) Не хватает свежего кислорода. Будто бы вырубались легкие. Забарахлил мотор, генератор. Так что Валерий должен вернуться и не покидать нас. Мы ждем его. И пусть не стесняется своего возраста. Мы-то знаем, что ему не пятьдесят, а тысяча лет. Как клоуну и дьяволу.

Феликс Медведев